

Глава 6. Разговор глухих

Четыре дня Чу Юньсянь ходил с перебинтованной головой, пока наконец не отправился в больницу снимать швы. Все трое соседей вызвались его сопровождать. Юньсяню было даже неловко: ребята столько дней возились с его перевязками, ухаживали... В общем, натерпелись они с ним, и он твердо решил в знак благодарности угостить всех ужином.

— Может, сходим на хот-пот? — предложил Чу Юньсянь, задорно подмигнув друзьям. От природы его глаза были удивительно выразительными, с мягким, кокетливым разрезом, и когда он вот так оживленно шутился, то выглядел невероятно миловидно.

Инь Линьшэн так и застыл, залюбовавшись. Он уже порывался кинуться Юньсяню на шею, но Цзян Лихань вовремя перехватил его за воротник.

У Цзиньмин, не выдержав этого зрелища, приобнял Юньсяня за плечи и потащил к выходу, на ходу зашептав на ухо:

— А-Сянь, ты бы поосторожнее, а? Этот малец Сяо Инь на тебя глаз положил уже бог весть когда, а ты его еще и раззадориваешь прилюдно.

Чу Юньсянь настороженно покосился на Цзиньмина и попытался оправдаться:

— Да я... я вовсе не...

Однако закончить фразу ему не дали.

— Да ладно тебе, я же просто по-дружески предупреждаю! — хохотнул Цзиньмин. — И ладно еще Инь Линьшэн, но ты посмотри, как на тебя этот суровый Цзян Лихань поглядывает. Глаза так и горят. Ну и повезло же мне с комнатой: три соседа — и двое из них по парням.

Цзиньмин с тяжелым вздохом похлопал Чу Юньсяня по плечу:

— А-Сянь, знаешь, почему мы с тобой так хорошо ладим?

Юньсянь покачал головой, понятия не имея, к чему тот клонит.

Цзиньмин покосился на шагавших позади парней и, придвинувшись ближе, заговорщицки прошептал:

— В наше время настоящих натуралов днем с огнем не сыщешь. Нам с тобой нужно держаться вместе, чтобы выжить.

Лицо у Цзиньмина при этом было настолько серьезным, что Юньсянь даже на секунду засомневался, шутит тот или говорит на полном серьезе.

— Цзиньмин, Лихань — стопроцентный натурал, не выдумывай глупостей, — заступился за соседа Чу Юньсянь. Ему казалось, что у друга на почве выходок Инь Линьшэна развилась настоящая паранойя: теперь в каждом дружеском жесте внимания ему мерещился подвох.

— Ну-ну, я же сказал «кажется»...

— Погоди, мы же не туда идем! — спохватился вдруг Чу Юньсянь, заметив, что они свернули не в ту сторону. — Мы же собирались на хот-пот! Зачем ты меня к общежитию тащишь?

Он притормозил Цзиньмина, и шедшие сзади парни тут же их нагнали.

— Никакого хот-пота, — ровным, не допускающим возражений тоном произнес Цзян Лихань, помогая Цзиньмину развернуть Юньсяня обратно к корпусу. — Тебе только что сняли швы, нужно соблюдать диету. Ничего острого.

— О-о-о, бедный наш А-Сянь! — тут же запричитал Инь Линьшэн, трагично заламывая руки. — Мало того что пострадал, так теперь еще и во всем себе отказываешь... За что судьба так жестока к нашему милому крошке А-Сяню?!

Поистине, драма вселенского масштаба...

После таких веских аргументов Чу Юньсяню ничего не оставалось, кроме как смириться. Он послушно поплелся за друзьями в сторону общежития, хотя на душе у него кошки скребли. И во всем этом — от травмы до пресной диеты — был виноват один конкретный человек. Пес Цинь! Мало того что покалечил, так еще и издевался, заявляя, будто Юньсянь милый, прямо как гадкий утенок...

К слову, книги, которые Юньсянь взял в библиотеке, он уже успел пролистать. В одной из них ему попалась занятная фраза: если хочешь вежливо намекнуть человеку на его вопиющую непривлекательность, скажи: «О, ты прекрасен, вылитый Хэ Ма».

Хэ Ма был довольно известным в деловых кругах предпринимателем, чье потрясающее уродство признавала вся страна без исключения. И если Цинь Хуань обозвал Юньсяня «гадким утенком», то... он просто завуалированно назвал его страшилой!

Вспомнив самодовольную ухмылку Цинь Хуаня, Юньсянь аж зубами закрипел от злости.

— Чертов пес Цинь... — буркнул он себе под нос. — Из-за него теперь никакого хот-пота.

— Вот-вот! Сволочь редкая! — поддакнул чуткий на ухо Инь Линьшэн. — Я на днях видел в сети фотки с банкета в честь его новой песни — боже, сколько там было вкуснятины... И все из-за этого гада! Если бы он не сбил нашего А-Сяня, мы бы сейчас тоже обедались деликатесами!

С этим утверждением У Цзиньмин согласиться не мог. Все-таки, как ни крути, сбил А-Сяня вовсе не Цинь Хуань... Да, тот повел себя не лучшим образом, но вешать на него всех собак было несправедливо. К тому же эти дни у рок-звезды выдались далеко не сладкими.

Цзиньмин разрывался между преданностью любимым соседям и врожденным чувством справедливости. В конце концов, набравшись смелости, он несмело подал голос:

— Эм... Ну, вообще-то, я последние дни пересекался с Цинь Хуанем.

Заметив, как вытянулись лица друзей, он поспешил оправдаться:

— Да ладно вам, вы же знаете, что я играю на басу. У них ведь басист насмерть разбился в той аварии... Вот он и... ну, предложил мне сотрудничество.

Говоря это, Цзиньмин изрядно малодушничал — ведь на самом деле он сам напросился к Цинь Хуаню, а не наоборот. Но признавать такое при всех было выше его сил.

Инь Линьшэн тут же уцепился за эту деталь.

— Тьфу! — яростно сплюнул он. — Друг только на тот свет отправился, а этот уже замену ищет? Прав я был, пес Цинь — бесчувственная скотина!

Раскрывать карты Цзиньмин не собирался даже под пытками. Поддержав Инь Линьшэна парой дежурных ругательств в адрес звезды, он все же почувствовал укол совести и попытался реабилитировать музыканта:

— Ну, на самом деле все не совсем так. Он не бесчувственный. Я сам видел, как он мотался к семьям погибшего и раненых парней, успокаивал их. Ему тоже тяжело пришлось, поверьте, там вообще не до веселья.

— Вот буквально вчера... Вы же знаете, что он из богатой семьи. Но даже для золотой молодежи он поступил невероятно благородно. Семье погибшего басиста он выплатил компенсацию — миллион сто пятьдесят тысяч! Виновник аварии и половины этой суммы не наскреб бы. А второму парню, который в реанимации, перевел еще восемьсот тысяч на лечение!

Цзиньмин искренне надеялся, что эти факты хоть немного обелят Цинь Хуаня в глазах Юньсяня. Тогда ему самому не придется чувствовать себя предателем, когда он официально примкнет к группе. Но оценить реакцию А-Сяня он не успел — Инь Линьшэн снова взорвался

негодованием.

— Ой, удивил! Подумаешь, богатей! — фыркнул Сяо Инь. — Наш Цзян Лихань тоже не из бедных! — С этими словами он подскочил к Лиханю и всю затеребил его за рукав: — Братец Лихань, ну скажи ему! Расскажи, сколько у вас денег! Твоя семья точно богаче этих Циней, правда же?

Лихань промолчал, лишь слегка поморщился. Это фамильярное обращение явно заставило его почувствовать себя неловко.

Тут подал голос Чу Юньсянь, зацепившись за несостыковку:

— Погоди. Новая песня? Если он так убивался по друзьям, откуда у него нашлось время на запись и релиз?

— Вот именно! — яростно закивал Инь Линьшэн.

— Это... реквием, — тихо ответил Цзиньмин и достал телефон, запуская трек.

Из динамика вырвалось яростное, взрывное соло на ударных — словно гром посреди ясного неба.

С первыми же звуками сердце Чу Юньсяня болезненно сжалось. Музыка казалась почти осязаемой — дикой, карающей силой, готовой обрушиться на него, словно занесенный клинок.

Все четверо замолчали. Наступила тишина, нарушаемая только бешеной дробью. Цзян Лихань молчал по привычке, но то, что Инь Линьшэн — этот несмолкающий радиоприемник — не проронил ни слова за все время звучания трека, граничило с чудом.

Заметив произведенный эффект, Цзиньмин самодовольно усмехнулся и поспешил закрепить успех порцией восторгов:

— Ну как? Текст, музыка, вокал и это безумное соло на барабанах — все Цинь Хуань сделал сам. За одну ночь! И кстати, сведением и мастерингом он тоже занимался лично.

У Чу Юньсяня мелко запульсировал висок.

«Азраэль... Бог смерти. Это был Цинь Хуань. Как же я раньше не догадался?»

— Бе-бе-бе! — Инь Линьшэн демонстративно зажал уши руками и втиснулся между Юньсянем и Цзиньминым, расталкивая их в разные стороны, дабы уберечь своего ненаглядного А-Сяня от

тлетворного влияния фаната пса Циня. — Все равно мы с А-Сянем его терпеть не можем! И не надейся нас переубедить!

Юньсянь так глубоко ушел в свои мысли, что совершенно потерял бдительность. От внезапного толчка Инь Линьшэна он покачнулся и едва не слетел с бордюра прямо на проезжую часть. Однако упасть ему не дали — чья-то сильная рука перехватила его, возвращая равновесие.

— Осторожнее.

Чу Юньсянь поднял глаза и оцепенел. Спасителем оказался не кто иной, как его заклятый враг — сам пес Цинь. Спас парня от падения, этот тип еще и умудрился нагло сощуриться. Впрочем, разглядеть его лицо было непросто: Цинь Хуань, как обычно, шифровался — прятал лицо за черной маской и низко надвинутой кепкой. Снаружи оставались лишь его потрясающе красивые глаза. И в них сейчас так и плясали насмешливые искорки.

«Точно надо мной издевается, — мрачно подумал Юньсянь. — Стоит этой скотине ухмыльнуться, как у меня все внутри переворачивается!»

Он уже набрал в грудь воздуха, собираясь высказать гаду все, что о нем думает, как вдруг кто-то крепко перехватил его за запястье и потянул назад, бесцеремонно разрывая контакт со звездой.

— А-Сянь сам разберется. Не стоит утруждаться, староста Цинь.

Это подросел Цзян Лихань, обогнув Цзиньмина. Он еще в самом начале маневра Инь Линьшэна заподозрил неладное, но среагировать вовремя не успел. Поскольку Цинь Хуань вечно скрывался под маской и капюшоном, прохожие его не узнавали. И даже сейчас Инь Линьшэн, несмотря на то что незнакомец заговорил, совершенно не признал в нем популярного певца.

— Лихань, ну ты чего? Человек же помог, надо спасибо сказать! — встрял Сяо Инь. Чувствуя себя виноватым в неуклюжести друга, он торопливо поклонился «незнакомцу», засыпая его благодарностями, после чего бережно ощупал Юньсяня, причитая над ним.

«Да боже мой...» — мысленно вздохнул Юньсянь. Дорога на территории кампуса была практически пустой, и падение с пятисантиметрового бордюра вряд ли грозило ему смертельными травмами. Максимум — пошел бы по асфальту, а не по плитке.

Взгляд Цинь Хуаня на секунду задержался на Чу Юньсяне. Заметив, что белой повязки на его голове больше нет, музыкант мысленно облегченно вздохнул. Однако, окинув взглядом плотное кольцо защитников вокруг парня, он нахмурился. Особенно долгим был его взгляд на Цзян Лиханя. Слегка наклонившись вперед, так чтобы их глаза с Юньсянем оказались на одном уровне, Цинь Хуань негромко произнес:

— Я только что спас тебя от падения. И где моя благодарность?

«...»

У всех присутствующих, за исключением тихонько бледнеющего У Цзиньмина, так и зачесались кулаки.

Почуввав, что воздух запах паленым и пахнет скорой дракой, Цзиньмин проявил чудеса дипломатии и поспешил вклиниться между противоборствующими сторонами. Нацепив самую дружелюбную и заискивающую улыбку, он замахал руками перед Цинь Хуанем, хотя внутри у него все дрожало от страха:

— О, привет! Добрый вечер! Снова в больницу к парням собрался?

То, что его бесцеремонно оттеснили от очаровательного забияки, Цинь Хуаню явно пришлось не по душе. Недовольно поджав губы, он сухо выдавил короткое «угу», поправил маску и, резко развернувшись, зашагал прочь. Цзиньмин, почуввав неладное, поспешил трусливо ретироваться следом, пока его самого не пришибли разгневанные соседи.

Отойдя на безопасное расстояние, Цзиньмин шумно выдохнул. Сегодня он определенно совершил подвиг — предотвратил третью мировую войну в масштабах одного кампуса!

— У Цзиньмин, предатель несчастный! — закричал ему вслед Инь Линьшэн, грозно маша кулаками и надув щеки от обиды.

— Пошли в комнату, — негромко бросил Цзян Лихань. Он взял Юньсяня за руку и увлек за собой. На мгновение Чу Юньсянь почувствовал странный, щекочущий укол в груди от этого жеста, но не успел он додумать эту мысль до конца, как пальцы Лиханя мягко разжались.

Все произошло настолько естественно и буднично, будто Лихань просто придержал его на ходу. Юньсяню даже стало совестно за свои дурацкие, неуместные фантазии.

Лихань умел держать дистанцию безупречно. Он взял А-Сяня за руку ровно настолько, чтобы увести от неприятностей, и отпустил прежде, чем тот успел почувствовать себя неловко. В деликатности ему отказать было нельзя.

Стоило им вернуться в комнату, как свежий шрам на голове Юньсяня нестерпимо зазудел. Инь Линьшэн тут же подскочил на помощь и аккуратно снял защитный пластырь. Увидев крошечный, лишенный волос бледный кружок на макушке, парень снова запричитал.

Он никогда в жизни не видел шрамов и теперь, рисуя в воображении жуткую картину того, как этот уродливый след останется у его драгоценного А-Сяня на всю жизнь, не на шутку расстроился. Из его глаз снова брызнули слезы.

— О-о-о, А-Сянь, мне так тебя жалко... Это же шрам на всю голову! — Сяо Инь осторожно подул на макушку друга. — Больно, да? Скажи, очень больно? У меня аж сердце разрывается... Бедный ты наш! Ничего, теперь я буду заботиться о тебе в сто раз лучше. А-Сянь, я так тебя люблю!

На этих словах стук клавиш за рабочим столом Цзян Лиханя на мгновение затих. Но пауза длилась лишь секунду — затем сухой, резкий перестук возобновился с удвоенной силой.

Впрочем, этого никто не заметил.

Инь Линьшэн частенько бывал невыносимо болтлив, но когда этот парень плакал от искреннего сочувствия, злиться на него было невозможно. Юньсянь растрогался и не стал отталкивать плаксу, позволив тому крепко себя обнять, и даже нашелся с парой шуток, чтобы поднять бедолаге настроение.

Слегка успокоившись, Сяо Инь вытер заплаканные глаза и шмыгнул носом:

— А-Сянь, правда не болит?

— Вообще не болит, только чешется ужасно. А если чешется — значит, заживает, верно? — Юньсянь ласково потрепал друга по вихрастой макушке, успокаивая.

В этот момент в его кармане коротко завибрировал телефон. Юньсянь достал его и увидел светящийся красный кружок во вкладке новых контактов в WeChat.

Он нажал на уведомление.

[Новый запрос в друзья]

[Контакт: Цинь Хуань]

[Сообщение: Это Цинь Хуань из беседы «Не отключать уведомления и не флудить. Объявления старосты»]